

● ● ●
От ног шархаться листве—пора...
Прохожие являются некстати:
Входящих-уходящих номера
Подошв—на листьях штампы да печати
Повсюду. На промозглой черноте,
Под грифом морозящего надземья—
Готовиться к сезонной мерзлоте!—
Приметы и небесные знаменья.
Берётся ветерочком в оборот
Бальмонтовской брусники благовонье...
И лишь воображение цветёт.
Воображенью близко межсезонье.
Когда же изойдёшь воображать,
Листва тебя заполнит без остатка,
То прежде, чем приступишь зимовать,—
По Гоголю—в «Корзину» эту «Папку»...

● ● ●
Мы сходимся с лесом. Вхожу я в него.
И лес тоже входит в меня
травинкой, листочком... На вдохи его
мой выдох ползёт, как змея.
И с первого шага творенья венец
готов растворяться в Творце...
И вот я на тропке его, наконец,
не зная, что будет в конце.
И скрипом, и треском, и шорохом лес
крутиться велит голове.
И каждой оглядкой с корнями небес
встречаться невольно ноге,
и в пятки ушедшему вдруг замереть,
забиться... И выдохнуть: фух...
Так дёбрями манит бесплотная смерть
в плоть вжившийся напрочь дух.
И в небе расплавленный меркнет свинец
знаменьем о скором конце.
И с тысячным шагом творенья венец
вконец растворился в Творце...
И с медью листвы, обречённой на слом,
плетусь, собираясь с собой,
чтоб сдать эту осень, как металлолом,
душе безнадёжно сквозной...

● ● ●
Взмычит трава—и прорастёт корова...
Молчат слова. И тишина готова
Сказать о том, о чём слова безмолвны,
Всплеснуть о тех, о ком не смогут волны,
Открыться в том, в чём невозможно Фету,
Сквознуть туда, куда не время ветру,
Шепнуть о том, о чём бессильны кущи.
Так жажда тишины
воды словесной пуще!

● ● ●
Я голос.
И не чей-то.
И не свой, я—
как капельки надрезанной алоэ,
разбившейся о белый подойник,
что облакам отсвечивает бель,—
короткий звук—для уха рядового,
протяжный звук—для слуха внеземного,
летающего сквозь вдумчивую ель...
И—звук струи, разбившейся о дойник,—
судьбы моей земная колыбель.

Бабье лето

Мы перечитываем осень каждый год.
И налицо—зачитанность сюжета.
Но раз от раза—разный эпизод
цепляет, отдаляя нас от лета.
Но раз за разом—каждый этот год
цепляют нити тонкие сюжета,
когда в былое лето эпизод
нас переносит—бабье, бабье лето...

● ● ●
Небо зубьями дождя
пилит лёд.
Вот ещё один прошёл
Новый год.
Вот ещё одна пришла
весна.
Вот и ночь—ещё одна—
без сна.

● ● ●
Ещё паутинок сентябрьских не сломлен хребет,
Ещё раздувает костёр, приостывший чуть, ветер.
Летающий под горку бестопливный, блёкнущий свет
Листва желтизной окрыляет на каждом рассвете.
Закаты слабы, но ещё, закатав рукава,
Цепляются той же листвою, несусветно багряной...
Ещё не совсем поопали — в безвестность — слова,
И крона души шелестит красотой несказанной.

● ● ●
Отцу

Пятое лето безрыбьем сквозит,
булькнуло пятое лето...
Будто сошла вон на нет, из орбит
вырвавшись, смылась планета.
Но позабыла и пуп свой, и ось
в осиротевшей квартире.
(Нынче вхожу в неё, будто бы гость
в непредсказуемом мире.)
Так же, как раньше, друзья-рыбаки
возле подъезда часами
байками чешут свои языки,
сети плетут словесами.
Так же, как раньше, балкон приоткрыт —
главный из снастехранилиц,
где, как и раньше, над дверью висит
битый десяток удилиц.
Так же, как раньше, Шишкеевский пруд
полон вовсю карасями...
Только тебя нет поблизости, тут,
возле и рядышком с нами...
Как там — и рак на безрыбье сазан? —
мы в безуловье пророним...
Только вот как же так, папка, пахан?..
Этот проклятый омоним,
словно клешнёю, вцепился, подлец,
в горло смертельною хваткой!..
Как же так, Господи Боже, отец?!
Как же так, папка?!
..Видимо, там, выше, чем мкс
(точно, никак не иначе!),
дальше и выше нам зримых небес,
ты, как и раньше, рыбачишь...
Так же — но нынче близ райских прудов —
занятый карповой снедью...
Хоть рассказал бы разок про улов —
я б похвалился соседям.